

ОТЗЫВ

о диссертации Квасова Олега Николаевича «Терроризм в российском революционном движении (вторая половина XIX – начало XX вв.), представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история в диссертационный совет Д. 212.038.12, созданный на базе ФГБОУ ВО «ВГУ»

Диссертационное сочинение О.Н. Квасова посвящено проблеме, которая представляет не только научный интерес, но и важна в социально-политическом отношении. Терроризм стал в XXI веке одним из серьезных вызовов и для понимания этого общественного явления требуется самое пристальное изучение прошлого. В этом отношении представленная научная работа актуальна в прямом понимании этого слова.

Во **введении** автор вполне правомерно фиксирует свое внимание на необходимости терминологической точности. Это относится, например, к интерпретации таких важных понятий, как «террор» и «терроризм». Хотя в современной публицистике оба термина используются в качестве синонимов, в действительности для отечественных исследований они представляют собой разные величины. Террор как проявление насилия государства, терроризм как действия насильственного порядка со стороны общества. Квасов придерживается этого общего для российских историков подхода.

Исходя из общего методологического посыла, автора определяет терроризм как способ «...социально-политической борьбы, включающий в себя систематическую эскалацию насилия на микроуровне с целью решить макропроблему» (с.6). Следует признать данное определение вполне приемлемым в качестве рабочей гипотезы диссертационного сочинения. Также продуктивным представляется выделение Квасовым нескольких этапов в истории терроризма (тираноборчество, «аттентат», терроризм как организационная форма насильственных действий).

Проведенные понятийные изыскания, включающие, в том числе, точное определение структуры, характера и направленности подрывной деятельности дали возможность диссертанту определить объект и предмет изучения, наметить цели и задачи работы.

Привлекательным выглядит и системно-деятельностный метод (в рамках теории модернизации), на который опирается в своем сочинении Квасов. При этом активно используются и междисциплинарный подход.

Первая глава работы (**«Историография и источниковедение российского революционного терроризма»**) содержит три раздела. Первый относится к дореволюционному времени и дает вполне традиционную трактовку появившейся литературы как в целом носившей политико-идеологический или публицистический характер. С этим утверждением трудно не согласиться, поскольку вышедшие работы не опирались на широкую источниковую базу и значимые научные постулаты. На этом фоне работа А.И. Спиридовича «Революционное движение в России» выгодно отличалась от других сочинений. Однако называть ее «отправной

точкой изучения российского революционного терроризма» (с.31) будет известным преувеличением.

Весьма противоречива, по словам Квасова, отечественная историография 1920-1930-х гг. С одной стороны, произошло существенное расширение источниковой базы, пополненной воспоминаниями участников революционных событий, а с другой – терроризм однозначно был отнесен к категории «мелкобуржуазной» революционности, а рассмотрение террористической деятельности подпадало под субъективную категорию политической целесообразности служения делу рабочего класса.

В этом отношении зарубежная историография в исследовании феномена терроризма сделала гораздо больше, ориентируясь как на наследие дореволюционного времени, так и на концепцию российского терроризма, понимаемого в контексте продолжения и развития традиций 1880-х гг. революционерами начала XX в.

Отечественная историография 1950-1980-х гг. выгодно отличается от негативистки-отрицательного этапа 1920-1930-х гг. появлением серьезных аналитических работ, в которых рассматривались вопросы истоков народнического терроризма, морально-этических принципов применяемого насилия, характера взаимосвязи в деятельности народовольцев и эсеров. Несмотря на идеологические каноны и запреты, в соответствии с которыми неонародники по-прежнему причислялись в партийной прессе к злейшим врагам большевиков, оценки их революционной практики специалистами стали более взвешенными и обоснованными.

В постсоветское время интерес к проблеме терроризма в значительной мере возрос, что было вызвано, в том числе, и антитеррористической борьбой российского государства. Однако несомненная актуальность проблемы нередко сопровождается политически пристрастными инвективами, отсутствием четких методологических принципов, крайностью оценок, иллюстративностью и т.п. Прекрасно осознавая существующие проблемы, Квасов предлагает собственное видение решения существующих проблем.

Диссертант сумел выявить существующие серьезные лакуны, требующие основательной и целенаправленной проработки. Сделано это на основе критического осмысления достоинств и недостатков трудов предшественников, заложивших научный фундамент, на котором автор строит свои подходы в исследовании.

Источниковая база диссертационной работы весьма обширна и включает в себя различные документы, к числу которых относятся: 1) делопроизводство различных ведомств государства (судебное, МВД и др.); 2) разнообразная революционная печать и документы партийного делопроизводства; 3) общественная печать и публицистика; 4) эпистолярные материалы и дневники, мемуары и воспоминания.

Собранный и классифицированный материал позволяет автору определить предметное поле исследования, поставить ряд значимых вопросов, обеспечить работу необходимым фактологическим материалом.

Квасов вполне правомерно начинает изучение причин террористических тенденций (Глава 2. **Социальные причины распространения экстремистских и террористических тенденций в России на рубеже XIX-XX вв.**) с анализа соци-

альных побудительных мотивов. Автор считает, что модернизационные процессы, свойственные России второй половины XIX в., невиданная ранее трансформация социальной структуры не могли не отразиться на массовом поведении людей, принадлежащих к разным сословиям и стратам. Потеря традиционных опор в жизни, изменение социального статуса оборачивались ростом девиантного поведения (самоубийства, преступность, алкоголизм). Наряду с проявлением этих черт Квасов отмечает и отсутствие взаимопонимания между властью и обществом. Представители образованной элиты в большинстве своем находились в скрытой или явной оппозиции к государству и чиновничеству. Можно сказать, что такая позиция стала уже традицией, освященной и закрепленной в культуре и искусстве. Власть боялась общества, а общество ненавидело и презирало власть. Тем самым создавалась благодатная почва для радикализма и экстремизма.

Существовавшая социально-политическая обстановка усугублялась, как пишет Квасов, экономическими, этническими и внешнеполитическими противоречиями (с.110). В результате возрастала политическая активность общества и глухое, но страшное в своей основе, недовольство масс. Ни с тем, ни с другим власть бороться не могла или не умела. С этими рассуждениями автора вполне можно согласиться.

Наряду с этим Квасов не принимает объяснительной модели, согласно которой к числу террористов относятся люди с девиантным поведением. Такой подход кажется ему упрощенным и неполным.

К числу наиболее значимых причин автор считает деформацию ценностных ориентиров самого общества (с.120), когда прорывавшаяся сквозь препоны существовавших норм нетерпимость порождала агрессивную среду и конфликтность.

В 1860-1880-е гг. сформировалась революционная субкультура, имевшая свои стимулы и ориентиры. В их число входили жертвенность и стремление принести свою жизнь на алтарь будущей победы. Такая целеустремленность и решительность находила искренних последователей.

Постоянная опасность, оторванность от остального мира порождала замкнутость, в которой можно было надеяться на поддержку и товарищество единомышленников. А это создавало особую атмосферу, которая в свою очередь подстегивала к мести за погибших друзей.

Распространению в массовом сознании образа бескорыстного и бесстрашного борца с царским режимом способствовали и деятели отечественной культуры.

К устойчивым мотивам террористической деятельности Квасов относит и жажду преобразований.

В первой части 3-й главы («**Стратегия революционного терроризма**») Квасов обращается к идеологии первой террористической волны. Логика рассмотрения материала приводит его к выводу о том, что никакой резкой грани между терроризмом 1860-х гг. и терроризмом народовольцев не было. Они являлись звеньями одной цепи. Эволюция форм деятельности происходила от терактов на мстительной и оборонительной основе к терроризму наступательному и регулятивному. Несмотря на существовавшие расхождения в среде народников по этому вопросу, терроризм становился единственным эффективным средством

борьбы с властью, не желавшей идти на уступки. Неудача «Народной воли» только на время сняла вопрос об использовании экстремистских средств борьбы, терроризм в любой момент мог опять занять центральное место в ряду используемого оружия, но только более массового и последовательного.

Обращение к идеологическому обоснованию терроризма второй волны осуществляется Квасовым на основе анализа идеологических постулатов наиболее крупных и влиятельных партий и движений. В начале XX в. свое отношение к терроризму народовольцев определили эсеры, социал-демократы и анархисты. Но анархисты оставались на позициях безмотивного, аграрного и фабричного террора, и тем самым в значительной степени копировали опыт предшественников. Напротив, большевики и социалисты-революционеры сумели извлечь уроки из предыдущего опыта. Их действия стали более целенаправленными и предполагали использование страшного оружия покушений и убийств в качестве средства активизации и радикализации массового движения. Как следствие этого шага стала убежденность в его действенности в процессе формирования партизанского движения.

В четвертой главе работы (**«Тактика революционно-террористических кампаний»**) Квасов рассматривает тактику действий революционеров. Со многими выводами автора можно согласиться. Так, вполне обоснованным считаем заключение о постепенном переходе народников от мстительно-оборонительного террора к наступательному, и о выделении в качестве его наиболее характерной черты организацию самозащиты и цареубийство (с.220). Также не вызывает возражения и наблюдения автора об отсутствии у «Народной воли» необходимых средств, широкого кадрового состава, которые они пытались компенсировать инициативностью и целеустремленностью. Однако этого было явно недостаточно в условиях отсутствия четких механизмов боевой деятельности, массовой социальной поддержки, низкой квалификации и подготовки исполнителей (с.213).

По сравнению с 1860-1880-ми гг. террористическая деятельность второй волны не только проводилась на основе более разнообразных тактико-стратегических позиций, как справедливо отмечает Квасов, но и была характерна практически всем политическим силам и партиям. Автор обоснованно выделяет несколько этапов в развертывании террористической деятельности, указывая, что пик терроризма пришелся на 1907 г., после чего интенсивность выступлений и их размах пошли на спад (с.283, 288, 289).

При этом, как свидетельствуют факты, террористические акты показали наибольшую эффективность в качестве инструмента давления на власть и особой формы диверсионно-партизанской борьбы. В то же время осуществление террористических акций для активизации и экстремизации массового движения нигде успеха не имело. Четкой тактической линии по отношению к терроризму ни одна партия так и не сумела выработать. Более того, между партийным руководством и рядовыми исполнителями существовали серьезные расхождения по тактическим вопросам, что подтверждает существование в самом терроризме двух направлений (терроризм политический и социальный, идущий в значительной степени от субъективных, индивидуальных реакций на общую ситуацию в стране). В результате это скрытое противостояние при усиливающейся карательной политике

власти, в условиях кризиса освободительного движения привело к постепенному затуханию терроризма.

Логичным является структурно-функциональный анализ революционного терроризма, который предпринят Квасовым в 5-й главе работы (**«Структурно-функциональный анализ революционного терроризма»**). Автор последовательно рассматривает типы существовавших террористических организаций, их организацию и управление.

В отношении деятельности народовольцев Квасов доказательно продемонстрировал, что в организационном отношении партия столкнулась с двумя проблемами: осуществлением оптимального партийного контроля над террористической деятельностью и необходимостью разделения общепартийной и террористической деятельности. И если первая из них была решена, то вторая досталась в наследство преемникам (с.301-302).

Наиболее четкий и разработанный механизм осуществления политического террора создала партия эсеров, в которой существовали центральные, областные, губернские, местные и партизанские организации. По своему типу эти подразделения делились на летучие и на стационарные. Однако эсерам, как, впрочем, и другим партиям, не удалось ликвидировать многие спорные вопросы управления, подчиненности и самостоятельности террористических образований. Вечная дилемма безопасности-конспирации и партийного контроля-дисциплины неоднократно приводила к партийным расколам и обвинениям в отщепенстве.

Существовавшие принципы организации и методы управления террористическими объединениями предполагали совмещение исполнительных и руководящих ролей боевиков или невыраженное их разделение. Сложившаяся структура включала и строгую вертикаль подчинения, и ячеечную схему комплектования, что одновременно должно было обеспечить контроль и координацию действий с автономностью положения террористических структур. Однако устоявшаяся систем была далека от совершенства, ей были свойственны «перекосы» в одну и в другую сторону. А это приводило или к недостатку профессиональных навыков, или к нехватке информации и ресурсов.

Значимое место в анализе терроризма занимает у диссертанта рассмотрение внутреннего механизма террористических организаций (**Глава 6. «Внутренние механизмы террористических организаций»**). Оно начинается с экспозиции материала, относящегося к кадровому составу экстремистов. Квасов дает необходимый возрастной, гендерный, национальный, образовательный срез, который позволяет сделать вывод о том, что основную массу террористов составляли молодые люди, искренне верившие в исповедуемые идеи, поставленные цели, жертвовавшие свои жизни для их достижения. Однако с расширением террористической деятельности в их состав стали рекрутироваться и амбициозные авантюристы, те, кто уже не подходил под категорию «святых», а, скорее, «мерзавцев, но своих».

Следующим аспектом, на котором останавливается Квасов, является организация информационно-разведывательной, охранной и конспиративной деятельности в террористических подразделениях. Автор вполне справедливо отмечает, что эффективность проводимых мероприятий, как и их продуманность и

целенаправленность зависели не только от организованности террористов, но и от ошибок, безалаберности, несогласованности деятельности органов сыска, чиновников. Тем не менее, несмотря на существовавшие просчеты, государственная машина в начале XX в. еще справлялась с террористическими вызовами. Существенные сбои стали ощущаться в годы Первой российской революции, когда основы системы были существенно поколеблены.

Останавливается Квасов и на таком важном вопросе, как материально-техническое обеспечение террористической деятельности. Проведя анализ сведений, относящихся к первой и второй террористическим волнам, автор приходит к заключению, что им были присущи как сходные черты, так и некоторые отличия. Так, в начале XX в. финансовое обеспечение террористической деятельности находилось полностью в руках руководящих органов партии, хотя устоявшиеся порядки и вызвали неоднократные возражения и сопротивление со стороны боевых дружин. Существенные изменения произошли в пропагандистско-агитационном сопровождении терроризма. Умело используя способы мифологизации боевиков и терактов, революционеры смогли добиться сочувственного отношения со стороны определенной части общества.

Заключительный параграф 6-й главы посвящен основным формам экстремистских и террористических проявлений. Обращаясь к анализу физических, экономических и психологических способов воздействия, к которым прибегали боевики различных партий и движений, Квасов приходит к выводу о том, что, несмотря на временный эффект, эти действия, в конечном итоге, оборачивались против инициаторов их использования, приводили к падению влияния на массы, разочарованию и апатии, началу деградации политического содержания революционного терроризма.

В заключении подводятся общие итоги, дается концептуализированное видение проблемы, предлагаются конкретные меры по предотвращению террористической деятельности.

Приводимые в приложении графики, таблицы и другие справочные материалы придают оперируемым Квасовым фактам наглядность, дают возможность в динамике проследить развитие различных форм террористической деятельности.

В диссертации ясно прослеживается авторский подход, выдвигаемые положения отстаиваются в полемике с взглядами других специалистов, обращавшихся к избранной тематике.

К сильным сторонам диссертационного исследования относятся последовательные, аргументированные, порой даже скрупулезные выводы по каждому параграфу работы.

Необходимо отметить, что проведенный анализ отличается глубиной и продуманностью. Это привело к пропорциональности соотношения обобщений и исторической конкретики в пользу первого, а также к высокому уровню осмысления исторического материала.

Следует отметить, что проблема, избранная для изучения, исследуется весьма полно, что в конечном итоге позволило автору сделать обоснованные, самостоятельные обобщения и выводы, выработать оригинальную концепцию.

Отличительной особенностью диссертации является следование традиции научно-исследовательского поиска, которая предполагает продуманное введение в научный оборот обширного фактического материала.

В целом, задачи, сформулированные автором, успешно решены. Квасов подготовил оригинальное, самостоятельное и цельное исследование. Диссертантом предпринята попытка решения крупной проблемы, имеющей важное научное и практическое значение. Проведено многоплановое конкретно-историческое освещение многоаспектного комплекса вопросов, объединенных общей темой. Научное обобщение фактов поднято на уровень выявления закономерностей и особенностей рассматриваемого явления.

Вместе с тем хотелось бы высказать ряд замечаний и пожеланий, направленных на дальнейшее углубление исследований в этой важной области научного знания.

Во-первых, масштабность и многочисленность поставленных автором задач при всей их значимости и правомерности создает опасность повышенного внимания к некоторым вопросам и несколько поверхностного освещения других. Это проявляется, например, в анализе используемых документов, когда основные характеристики относятся к источникам начала XX в. При этом источниковая база народнического терроризма представлена гораздо более скромно.

Также, по нашему мнению, конспиративной и контрразведывательной деятельности террористов могло быть уделено больше внимания. Так, буквально мимоходом Квасов пишет о «ревизоре конспирации» народовольцев А.Д. Михайлове, также мимоходом упоминается деятельность Н.В. Клеточникова, а сведения об их практике могли существенно дополнить имеющуюся в распоряжении автора информацию.

Во-вторых, в рассмотрении дореволюционной историографии необходимо было отделить работы научно-исследовательского плана от аналитических отчетов жандармского управления. Понятно желание автора указать на проводившуюся следственно-карательными органами работу по анализу антиправительственной (в том числе и террористической) деятельности, но скорее эти материалы должны быть отнесены к источниковой части работы.

Зарубежной историографии 1920-1930-х гг. можно было уделить больше внимания, не ограничиваясь общей констатацией ее направленности.

Не ясно, почему при характеристике изучения терроризма в постсоветское время уделено мало внимания народническому терроризму и основной упор сделан на практике эсеров.

В-третьих, в целом соглашаясь с общими характеристиками Квасова причин появления терроризма, считаем необходимым подчеркнуть, что несколько в тени оказался демографический фактор. Хотя автор в разных разделах работы пишет о том, что большинство террористов принадлежали к молодому поколению, необходимо было более жестко «увязать» этот момент с «демографическим взрывом» в России, который пришелся на вторую половину XIX в.

В-четвертых, не можем согласиться с некоторыми утверждениями Квасова. Так, характеризуя нечаевскую «Народную расправу», он отмечает, что «в дальнейшем... все оппозиционные партии в значительной мере копировали верти-

кальную структуру организации» (с.142). Это утверждение противоречит истине. Напротив, большое общество пропаганды (т.н. «чайковцы») да и другие народнические организации принципиально отказывались от нечаевских принципов (в том числе и организационных).

Нельзя согласиться и с утверждением автора о «...своеобразной трактовке революционной морали» П.Л. Лавровым, согласно которой, якобы, ее «мерилом ...стала сама революционная целесообразность» (с.144). Главным для Лаврова в его деятельности всегда оставалось развитие личности, высокоморальные человеческие качества которой должны были стать основой революционной практики.

В-пятых, к сожалению, не обошлось без некоторых структурных недочетов. Так, как мы уже отмечали ранее, авторам сделаны сильные выводы по параграфам, однако это не наблюдается по более крупным разделам (главам). Квасов будто приберегает их для заключения. Думается, что напротив, промежуточное подведение итогов только усилило работу.

Высказанные замечания не могут изменить общей положительной оценки рецензируемой работы. Представленное к защите исследование отличается высоким научно-теоретическим уровнем. Публикации отражают основные идеи сочинения. Автореферат полностью соответствует содержанию диссертации.

Считаем, что диссертация «Терроризм в российском революционном движении (вторая половина XIX – начало XX вв.)» представляет собой квалификационное, завершённое оригинальное, концептуально новое, научное исследование, которое полностью соответствует требованиям п. 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением №842 Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г., предъявляемым к докторским диссертациям, а ее автор – Квасов Олег Николаевич – заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Доктор исторических наук (07.00.02 – Отечественная история), профессор кафедры истории российской государственности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Зверев В.В.

(121614, г. Москва, ул. Крылатские холмы, д.39, к.1, кв.124, 8-916-394-39-19, v.v.zverev@bk.ru)

З В Е Р Е В
У Ч Е Н Ы Й С Е К Р Е Т А Р Ь
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАРОДНОГО
ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ
К.Э.Н. **К.К. БОНДАРЕВ**

01 февраля 2016 г.